

Григорий Померанц

Поворот «всем вдруг»

Одна из особенностей Нового времени – развитие техники, вырвавшейся из венка культуры и ставшей угрозой для жизни на земле. Люди оказались детьми природы, создавшими игрушки, опасные для их незрелого ума. В XX веке символом этого стали атомная и водородная бомбы. Однако все началось гораздо раньше.

Субглобальные цивилизации Азии еще около Р.Х. достигли своих географических пределов, в которых каждая могла существовать неограниченно долго, приручая и подчиняя авторитету культуры беспокойных соседей. Я имею в виду цивилизацию индийского субконтинента и цивилизацию Дальнего Востока.

Иначе шло дело в странах Средиземноморского Востока и Средиземноморского Запада. Их не разделяли Гималаи и море скорее связывало, чем обособляло. А образ единого Бога, сложившийся в Библии, вызывал вечное стремление создать единое царство Истины и вечное соперничество, кто лучше понял Истину, – православие, католичество,

протестантизм, ислам суннитский и шиитский. Начиная с VII века в этом споре лидировал ислам, а с XVI века перевес в технике мореплавания дал Западу возможность выйти на океаны и лишить страны ислама их доли в международной торговле. Но глобальный мир, созданный Западом, лишен был духовной основы. Он все больше и больше становился постхристианским. Не случайно в одной из вестернизированных стран, в России, на моей памяти брошен был лозунг "техника решает всё". И во имя технических успехов опустошались глубины культуры.

Однако победы техники над культурой достигались и без советских крайностей. Весь христианский мир, сохраняя старую вывеску, двигался к постхристианству. Мировая духовная каша, созданная электронными связями, постепенно растворяет в себе и обезличивает местные культуры. При этом Запад стал передовым в упадке рождаемости и в потере своей воли к гегемонии. К началу XXI в. роль Запада вырисовывается по-новому: он вывел из стабильности страны Азии и втянул их в процесс разрушения колодцев духовной глубины ради успехов в науке и технике. Сперва вырвалась вперед Япония, и западные социологи искали в японской культуре

какие-то эквиваленты "протестанской этики", за счет которой принято было объяснять, по Максиму Веберу, прогресс Европы. Потом рванулись вперед малые государства, созданные зарубежными китайцами (Гонконг, Сингапур, Тайвань; можно добавить к ним и Южную Корею). Потом Дэн Сяопин нашел заменитель "протестантской этики" в работах Н.И.Бухарина и доказал на практике, что даже коммунистическая диктатура, приняв Бухарина и отвергнув Сталина, могла стать одним из лидеров технико-экономического прогресса. И наконец Индия, оставаясь кастовой, сдвинулась с места. И Соединенные Штаты импортируют интеллекты из России, из Индии, с Дальнего Востока... И всё это расширившееся и ускоренное мировое развитие стремительно движется к экологическому краху. И все острее встает вопрос, что же делать, чтобы окончательно не разрушить биосферу?

Видимо, нужно что-то вроде глобального поворота руля, наподобие тех, которые удались Японии – в начале XVII в., в конце XIX в. и после поражения во второй мировой войне. Но возможно ли это? Возможен ли диалог цивилизаций, направляемый разумной волей к управляемому единству?

Хаос воюющих княжеств и царств не раз порождал монолитные государства. При переходе к новому времени так рождались единые нации в Европе и в Японии. А в истории Китая гигантская империя дряхла, рассыпалась и восставала из праха, полная сил. Однако условием обновления была устойчивость духовных основ.

Приоритет конфуцианства держался две тысячи лет, немного колебался, но никогда не рушился. Сейчас положение иное. Для всемирной администрации многое готово: техника мгновенной информации, транспорта, торговых и финансовых сделок – а взаимное понимание существует только на самом поверхностном уровне. Чуть поглубже – духовная каша. И только ничтожное меньшинство способно жить и мыслить на подлинно глобальном уровне.

Современный человек очень далек от него. У него не только нет колодцев тишины, нет даже сознания необходимости таких колодцев. Во всяком случае, в постхристианской цивилизации их меньше, чем в лучшие эпохи прошлого. Старые колодцы заброшены или завалены, новые, глобальные, – едва начаты. Остались мертвые символы великих религий; потеряно

то, о чем сказал апостол Павел: буква мертва, только дух животворит. И по мере вестернизации Востока это опустошение распространяется по земле. Поэтому Хантингтон убежден, что нас ждет война цивилизаций.

Я убежден в другом: неотвратимости этого нет, и даже в постхристианском мире не все потеряно. Возможность диалогического единства показала конференция бенедектинцев в Лондоне, в 1994 г., председателем которой был приглашен Далай-лама. Каждый день он зажигал свечу, от нее зажигали свои свечи другие, и все проводили полчаса в глубоком безмолвии. Многие признавались, что именно в эти полчаса достигалось духовное единство, не вмещавшееся в слова.

Но и на словесном уровне произошли значительные сдвиги. При подготовке материалов конференции к печати были созданы словарики буддийских терминов для христиан и христианских – для буддистов. Приведу пример, врезавшийся мне в память: «вечность – это не утомительная длительность, а выход за рамки всякой двойственности, в том числе двойственности начала и конца». Таким образом создан был интеллектуальный мостик между важнейшим термином христианства -

«вечность», отсутствующем в буддизме, и важнейшим термином индобуддийской мысли – «недвойственность», отсутствующим в монотеизме.

При желании, можно рассматривать это как простое расширение мысли ап. Павла. Однако в историческом контексте Павел ни о чем подобном не думал. Его мысль (буква мертва, только дух животворит) в трудах конференции перенесена в глобальный контекст и перешагнула через пропасть, разделяющую средиземноморский круг цивилизаций от индийско-тихоокеанского. Это очень важно, когда культуры Индийского субконтинента и Дальнего Востока активно входят в мировое общение.

Дело, конечно, не сводится к пониманию пары терминов. Бездна невежества, разделяющего нас с Востоком, очень широка. Диалог – это разговор, уходящий в глубины, недоступные слову, но прежде всего – это грамотный разговор, элементарное знакомство с фактами. Между тем, даже сравнительно недолгая история японской культуры известна публике только чуть-чуть. Что касается трех тысяч лет китайских иероглифов и четырех тысяч лет санскрита, то даже переведенное на русский язык мало кто читал.

Единственная древность, которую принято было изучать на гуманитарных факультетах, была греко-римская. Студентом я прочел десятки книг, «Илиаду» – дважды. И в 1939 году одну книгу, только что переведенную с японского – повести и рассказы Акутагавы Рюноскэ. О других я ничего не знал. Между тем, началась война, за ней – лагерь, и дальнейшую информацию о Востоке я получал в разговорах с товарищами по нарам. Не досидев полтора года по случаю смерти Сталина, я ринулся в библиотеки. И теперь вызываю раздражение читателей, ссылаясь то на Бхагават-гиту, то на парадоксы Линьцзи, то на труды Д.Т.Судзуки. Из этого я заключаю, что структура нашего народного образования очень сильно отстала от эпохи глобальных сдвигов. Надеюсь впоследствии развить эту тему.